

М. О. Косвен собрал вокруг себя оказавшихся в Москве этнографов-кавказоведов и создал в Институте этнографии АН СССР Сектор народов Кавказа. Заведую этим сектором с 1944 по 1957 г., М. О. Косвен был организатором общесоюзных совещаний этнографов-кавказоведов, до 1957 г. руководил подготовкой к изданию двух кавказских томов в серии «Народы мира», организовывал издания других коллективных трудов («Кавказских этнографических сборников», сборника «Народы Дагестана» и др.). М. О. Косвен подготовил в аспирантуре и докторантуре более 20 специалистов по этнографии Кавказа и уделял огромное внимание воспитанию специалистов в национальных республиках и областях Северного Кавказа, ныне работающих во многих научных центрах Кавказа.

Сослуживцы, ученики и почитатели Марка Осиповича желают ему здоровья и многих новых научных трудов.

В. А. Александров, Л. И. Лавров

ПОЕЗДКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ФЕДЕРАТИВНУЮ РЕСПУБЛИКУ ЮГОСЛАВИЮ

С 29 сентября по 17 октября 1964 г. по приглашению Кафедры этнографии Фило-софского факультета Белградского университета я находилась в научной командировке в Югославии, где приняла участие в работе VII Конгресса Этнологического общества Югославии и в ежегодной этнографической студенческой практике.

Конгресс состоялся в Социалистической Республике Словении (Похорье — окрестности города Марибора). По окончании работы Конгресса для его участников была организована двухдневная экскурсия по Помурью (область Словении). В составе студенческой группы, практикой которой руководил заведующий кафедрой этнографии Фило-софского факультета Белградского университета профессор М. Баряктарович, я побывала в Социалистической Республике Хорватии (Загреб, Велика Горица, Сплит); кроме того, я была, к сожалению очень короткое время, в трех селах Социалистической Республики Сербии — Пиносава, Бели Поток (Шумадия, окрестности Белграда) и Црвена Црква (Воеводина — Банат).

Этнологическое общество Югославии, созданное в 1958 г., ежегодно проводит Конгрессы югославских этнографов. В этом году состоялся VII Конгресс этого Общества, в работе которого приняло участие 80 человек — представители различных этнографических учреждений всех республик СФРЮ. Здесь собрались этнографы из университетов (Белград, Загреб, Любляна, Скопле), институтов Академий наук (Белград, Загреб, Любляна), музеев (Белград, Загреб, Любляна, Скопле, Сараево, Нови Сад, Зренянин, Вршац, Осиек, Цетинье, Сплит, Пазин, Мурска Собота, Велика Горица, Карловац, Сисак, Баня Лука, Добой и др.), а также представители Общества фольклористов СФРЮ и Союза композиторов СФРЮ.

У югославских этнографов сложилась хорошая традиция — открывать Конгрессы короткими сообщениями о жизни и деятельности тех этнографов, юбилей со дня рождения или смерти которых приходится на год проведения Конгресса. В этом году научная общественность широко отмечала столетие со дня смерти основоположника сербской этнографии, создателя сербского литературного языка, историка и фольклориста Вука Караджича. VII Конгресс Этнологического общества Югославии и был открыт сообщением о В. Караджиче как этнографе; кроме того, было рассказано о жизни и деятельности известных сербских этнографов И. Ердельяновича и Т. Джорджевича (в связи с двадцатилетием со дня смерти), а также этнографов-славистов Д. Странской и Е. Шнеевейсе, умерших в 1964 г.

Значительное место в работе Конгресса было уделено вопросам, связанным с деятельностью этнографических музеев. Горячо обсуждалась методика сбора и экспонирования музейных материалов, место и роль научной работы и ее соотношение с просветительной работой, создание на музейных материалах этнографической хрестоматии для широких кругов читателей и т. д. Эта тематика вызвала большой интерес среди делегатов Конгресса. В выступлениях отдельных музейных работников высказывалась мысль о том, что музеи должны ограничиваться только просветительной работой; однако после длительной дискуссии все единодушно согласилось с мнением председателя Этнологического общества СФРЮ проф. М. Гавацци о том, что музеи должны вести как научную, так и научно-просветительную работу и что оба эти направления тесно связаны и переплетены между собой.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Ш. Кулишича (автор не присутствовал на Конгрессе и доклад был зачитан) о путях развития современной югославской этнографии, в связи с чем встал вопрос и об изучении современной культуры и быта народов Югославии. Делегаты Конгресса, опираясь на опыт советских этнографов, призывали к широкому изучению современной жизни. Встал также вопрос и об активизации изучения рабочего класса Югославии. Эта работа уже проводится; так, например, коллектив

Института этнографии Сербской Академии наук и искусств подготовил интересную работу о населении Колубарского горнорудного бассейна; словенский этнограф В. Кременшек завершает монографию о культуре и быте группы рабочих Словении. Однако, как признают сами югославские этнографы, изучение культуры и быта рабочих развинуто еще недостаточно.

В программу Конгресса был включен и мой доклад, посвященный основной проблематике этнографических исследований в Институте этнографии АН СССР. Югославские этнографы живо интересовались постановкой и развитием этнографической науки в СССР и работой крупнейшего этнографического учреждения нашей страны — Института этнографии АН СССР.

Большой интерес у югославских этнографов вызвали сообщения о работе VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук. Югославские ученые, высоко оценивая научную подготовку Конгресса, особенно подчеркивали внимательное отношение и большое гостеприимство, оказанное делегатам Конгресса его организаторами — советскими учеными.

В перерыве между заседаниями Конгресса проф. Б. Братанич — руководитель работы по составлению этнографического Атласа Югославии — выступил с информацией о ходе подготовки Атласа. Центр, где координируется вся работа по Атласу, находится на Кафедре этнографии Философского факультета Загребского университета. Материалы для Атласа собираются более чем в тысяче населенных пунктов страны, причем в сборе их участвуют не только этнографы, но и многочисленный актив из местного населения — учителя, врачи, учащиеся, крестьяне. Сейчас еще проводится подготовительная работа: по одним темам, например, сельскохозяйственные орудия, транспорт, разработаны и отпечатаны вопросники, на основании которых уже приступили к сбору материала; по другим, например, по одежде, вопросники уже подготовлены, но еще не отпечатаны.

В Югославии очень много этнографических и краеведческих музеев, коллекции которых дают яркое представление о культуре и быте различных народов Югославии в основном в XIX — начале XX в. К сожалению, экспонаты, по старой музейной традиции, очень редко датируются.

Я посетила этнографические музеи в Белграде, Загребе и Сплите, а также краеведческие — в Мариборе и Великой Горнице. В богатых коллекциях этих музеев особенно широко представлены различные типы народной одежды, украшения, домашняя утварь, сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты и т. д.

Полевая этнографическая работа не была предусмотрена моей программой, и поэтому у меня были только очень кратковременные выезды в села.

Население районов, в которых мне удалось побывать, занимается преимущественно земледелием, садоводством и виноградарством, а также свиноводством. В крестьянских хозяйствах еще сохраняются старинные типы сельскохозяйственных орудий — плуг, борона, цеп и др. В Помурье я наблюдала работу водяной мельницы, старинных прессов.

И сейчас еще пережиточно сохраняются отдельные виды традиционных домашних ремесел, как, например, ткачество, производство обуви (опанки), керамики. В селе Филловци (Помурье, Словения), например, изготавливают на гончарном круге бытовую обожженную посуду из черной глины.

В сельских районах страны сохраняются традиционные типы поселений — компактные и разбросанные. Разбросанные поселения хуторского типа, однодворки преобладают в горной области, например, в Похорье (Словения). Для этих поселений характерны неогороженные дворы; сады или виноградники и прочие земельные владения находятся непосредственно у дома. Поселения же Помурья (Словения), Шумадии (Сербия) и Воеводины (Сербия) представляют собой компактные села уличной планировки. Особенно четко уличная планировка проведена в селах Воеводины. В компактных селах при доме имеется только небольшой сад или огород, а пашни и виноградники обычно расположены в нескольких километрах от населенных пунктов.

Всюду, где мне удалось побывать, идет новое жилищное строительство. Основной строительный материал сейчас — кирпич и камень, крышу покрывают железом или черепицей. В Шумадии принято красить фасады домов, в Банате (Воеводина) и Помурье — дома обычно только белят. Характерно, что новые дома нередко сохраняют старую традиционную планировку, хотя число комнат в них увеличивают при помощи внутренних перегородок; новые дома строят с большими окнами и т. д. Некоторые старые дома (а в Помурье, например, еще сохранились дома, построенные свыше 100 лет назад) имеют двухраздельный план. Дворы в Шумадии и Помурье совсем не огорожены или огорожены невысокими заборами, тогда как в Банате каждый двор обнесен высоким глинобитным забором, так что его внутреннее пространство совершенно скрыто от глаз постороннего. В Шумадии и Помурье чистый и грязный (скотный) дворы, как правило, не разделяются; в Банате же чистый и грязный дворы разделены легкими заборами. Хозяйственным постройкам югославские крестьяне уделяют большое внимание, что связано, прежде всего, с наличием частной собственности в сельском хозяйстве. Расположение хозяйственных построек резко различается по областям. Например, в Шумадии и Банате все хозяйственные постройки, за исключением кладовых, отделены

от жилого дома; характерно, что в новых домах Шумадин такие хозяйственные постройки, как кош (сарай для хранения кукурузы), хлев, кухня размещаются под одной крышей. В Банате обычно летняя кухня, кош, сарай, хлев и т. д. — все это отдельные постройки. В Помурье же хозяйственные помещения, как правило, располагаются под одной крышей с жилыми (чаще всего — это глаголеобразная или покоеобразная связь). Хозяйственные помещения здесь по площади значительно превосходят жилые.

Внутреннее убранство крестьянских жилищ испытывает большое влияние города, хотя во многих домах наряду с фабричной мебелью сохраняется и традиционная, например, сундуки, полки и шкафы для посуды. Как и прежде, в словенских домах довольно много рисунков на стекле.

Как известно, традиционный народный костюм, как женский, так и мужской, полностью обнаружить очень трудно: в различных областях страны он сохранился в разной степени. В Банате, например, не сохранилось почти никаких элементов народного костюма. Правда, еще 20—30 лет назад некоторые женщины Баната из покупных ниток ткали тонкое полотно, но шили из него одежду городского типа. Среди населения Помурья еще бытуют отдельные элементы народного костюма, как мужского, так и женского, например, широкие длинные сборчатые юбки, однако в целом жители Помурья носят одежду городского типа. Любопытно, что мужчины Помурья во время работы надевают короткие передники. Наиболее полно национальный костюм, особенно женский, сохранился в Шумадин. Так, например, в селе Бели Поток (окрестности Белграда) женский народный костюм есть почти в каждом доме. Интересно, что наряду с сохранением старых костюмов, которые по большей части лежат в сундуках, сейчас шьют и новые, так как существует обычай, согласно которому девушка, достигшая возраста невесты, должна надевать народный костюм, когда отправляется на сельский праздник, танцует в «коло» (народные танцы) и участвует в других развлечениях. Народный костюм обязательно надевают и на свадьбу. Очень часто носят отдельные элементы народного костюма, например, домотканые плиссированные юбки и фартуки сочетаются с кофтами фабричного производства. Почти обязательным дополнением к костюму служит пестрая тканая сумка — «торба». Из элементов мужского народного костюма больше всего сохраняются головные уборы («шайкача»), обувь («опанки»), жилеты. Характерно, что народный костюм оказывает некоторое влияние и на городскую моду, так например, обувные предприятия страны выпускают красивую и практичную обувь по образцу опанок; многие горожанки носят не кожаные, а тканые сумки — торбы и т. д.

В общественном и семейном быту пережиточно сохраняются остатки большесемейных общин — задруг и некоторых обычаев, присущих институту сельской общины. Например, в селе Бели Поток (Шумадин) насчитывается шесть задруг. Мне удалось побывать в одной из таких больших семей — в задруге М. Стошича. Эта задруга состоит из девяти человек: глава семьи — домачин — Миливой, его жена, двое сыновей (1927 и 1930 года рождения), две невестки и трое внуков. Жизнь этой задруги строится по неписаным законам, которые диктует домачин. Работая наравне с остальными домочадцами, он определяет то, что надлежит выполнить. Домачин, или газдыня, определяет обязанности невесток. Как правило, невестки меняют вид работы еженедельно. Домачин держит у себя все деньги и единолично распоряжается ими, даже решает, сколько и когда нужно выделить денег на приобретение одежды для женщин. Женщины имеют только те карманные деньги, которые они выручают от продажи каких-нибудь вязаных или вышитых предметов, сделанных ими в свободное от работы время. Когда я посетила эту задругу, она находилась накануне раздела: было выстроено два совершенно одинаковых дома и одинаковые хозяйственные постройки, раздел предполагал произвести после уборки урожая.

Еще до сих пор жители одного села коллективно отмечают сельский праздник Славы, причем теперь он сводится преимущественно к развлечениям — пению и пляскам.

И сейчас еще живут отдельные обычаи коллективной взаимопомощи. Так, например, на Похорье я наблюдала, как крестьяне из соседних хуторов приходили и приезжали на машинах в одно из соседних хозяйств для очистки кукурузы («комшиянье»). Как и прежде, работа завершается угощением, песнями и плясками. Хозяин дома, где происходило комшиянье, рассказал, что уже составлен своеобразный график очередности исполнения этих работ у всех односельчан.

В заключение мне хотелось бы отметить большую заботу и внимание, которую постоянно проявлял ко мне не только коллектив кафедры этнографии Белградского университета, гостем которой я была, но и все этнографы, с которыми я встречалась во время пребывания в Социалистической Федеративной Республике Югославии.

М. С. Шихарева